
Лариса
Рубальская

Лариса
РУБАЛЬСКАЯ

Кольцо
горячих рук

Москва

ЭКСМО
2 0 1 5

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Р 82

Самое лучшее, самое любимое — в книгах этой серии.

Серия основана в 2001 году

Оформление художника *Е. Ененко*

Рубальская Л. А.
Р 82 Кольцо горячих рук. — М.: Эксмо, 2015. —
352 с., ил.

ISBN 978-5-699-06586-8

О чем пишет Лариса Рубальская? Ну, конечно, о нашем, о девичьем. И пишет так, что многие женщины удивляются: откуда Ларисе известна любовная драма или, наоборот, история счастливой встречи, перевернувшей всю ее жизнь?

Уникальность поэтической, да и прозаической палитры Ларисы Рубальской и заключается, видимо, в том, что каждое ее стихотворение, каждая песня — это маленькая история любви, о которой далеко «не все сказано», и автор поразительно точно улавливает ту самую, единственную и неповторимую интонацию, на которую отзывается душа, открытая для настоящего чувства.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Рубальская Л., 2015
© Составление, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-06586-8

A decorative rectangular border with intricate floral and vine patterns surrounds the central text.

*Таньки-Маньки,
или
Суп с котом
(истории любви)*

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Примерка

Я учусь на учительницу. Впереди практика и диплом. А пока лето и пионерский лагерь. Я — вожатая. Вырабатываю педагогические навыки. Когда мой отряд идет купаться, я по дороге рассказываю детям придуманные мной страшные истории и, оборвав рассказ на самом интересном, запускаю своих обалдуев в воду. Это очень хитрый прием врожденного Макаренко — ведь вытащить двенадцатилетних оболтусов из воды, подув в металлический свисток, невозможно. Свистка просто не слышно за их визгом. А я, хитрая, что делаю? Я отлавливаю кого-нибудь одного минут через двадцать, и тихим голосом начинаю рассказывать продолжение своего детектива, оборванного на самом интересном. И через 10 секунд вся мокрая компания лежит вокруг меня на травке и внимательно слушает.

Однажды навестить одного из моих мальчи-

шек приехал отец. Он отпросил сына на прогулку и привел его к тихому часу. Но, поцеловав сыночка на прощание, папаша не уехал, а остался поболтать со мной. Весь разговор состоял из намеков и предложений. От перегрузки эмоциями мое сердце ухнуло в какую-то бездну, и я поняла, что начинается роман.

Павел Венедиктович — так красиво звали папашу — был не очень молод, не очень красив, но почему-то притягивал меня, как сто магнитов одновременно. Павел рассказал, что он музыкант — дудит уже лет двадцать в каком-то известном оркестре. Он назвал себя — духовик. Вместе с оркестром Павел исколесил весь земной шар, а сейчас притормозил в Испании, подписав там контракт на несколько лет. Сейчас там его ждет жена с маленьким сыном, а старший сын — как раз мой подопечный — живет в Москве с бабушкой и ходит в московскую школу. А на лето бабуля отправила мальчика в лагерь, чтобы немного от него отдохнуть.

Я заметила, что Павел время от времени рассматривает свои ногти, сгибая и разгибая пальцы. Это о чем-то должно было говорить, но тогда я еще не имела жизненного опыта, и что это означает, не знала.

Прощаясь со мной, Павел, конечно, задержал мою руку в своей и, отпуская, попросил не лишать его надежды увидеть меня в Москве, когда закончится лагерная смена. А я и сама уже хотела этого, наверное, в тысячу раз больше, чем он.

В лагерь я поехала работать не только как будущий педагог. Была причина поважнее. Мне просто нужно было срочно вырваться из плена моей труднообъяснимой жизни. Я была замужем, и мое замужество можно было четко определить словами одной известной песенки:

Повстречались как-то раз
Эскимос и папуас.

Милый и наивный эскимос — это я. А кровожадный людоед-папуас — это он. На редкость не подходящая друг другу парочка. Папуас уже третий год пил мою кровь, не давая жить и водиться с моим эскимосским народом. И я решила вырваться из папуасского плена. Повод нарисовался подходящий — уезжаю работать в пионерский лагерь для педагогической практики. А где этот лагерь находится, людоеду не сказала. А сама всю смену репетировала, как вернуться уже свободной.

И тут — ура! Появился Павел! Лекарство от любви — новая любовь!

Ничего, что Павел женат, — я же не собираюсь его из семьи уводить. Просто он мне очень нужен, чтобы бесповоротно забыть моего папуаса.

В оставшиеся дни я подружилась с Аликом — сынишкой Павла и выпытывала у него всякие подробности о его папе и маме, и Алик с удовольствием выбалтывал мне всякие семейные секреты.

Лето кончилось, я вернулась в Москву, поселилась у подружки и вышла на работу в свой НИИ — я там работала машинисткой, пока училась в институте.

Конечно, первым делом я всем в машбюро рассказала про Павла, половину напридумав в свою пользу. Все машбюро, знавшее про кровопийцу, за меня поразовалось.

Дня через три наша секретарша Ирка торжественно позвала меня к телефону. По выражению ее лица я поняла, что звонит Он.

Голос Павла звучал взволнованно, он называл меня на Вы и говорил, что скучал, и считал дни, и не смогу ли я поужинать с ним в Метрополе завтра вечером?

Я ждала его звонка и обещала сама себе вести

себя умно и загадочно, сдаваться не сразу, одним словом, вскружить мужику голову или вообще сделать так, чтоб он эту голову потерял.

Но вместо всего этого я завопила: — Да, да, и я скучала, и ждала, и смогу — да, завтра, в семь, у Метрополя!

Все машбюро замерло в восторге, а потом отмерло и мы начали обсуждать — в чем я пойду? И правда, ничего у меня для такого похода из одежды не было. В лагере-то хорошо — шорты, майка — и я лучше всех. То-то Павел балдел: — Дорогая, — (это я — дорогая) — какие у вас красивые ступни! А сейчас уже сентябрь, в шортах в ресторан не пойдешь, а мою юбку сколько ни гладь, все равно — как новая она выглядеть не будет. А свитерок, моя гордость, — я сама связала его, распустив на пряжу полушерстяное одеяло, — годился только для выхода на субботник.

Все мои девчонки из машбюро готовы были снять с себя все и дать мне напрокат, но предложенные сокровища имели примерно такую же ценность, как мои собственные.

И тут одна из них, Виолетта, вдруг придумала, умница, классный выход из положения — пойти в ближайший комиссионный магазин, выбрать там самое дорогое и красивое платье, заплатить за не-

го — денег наберем, все девчонки скинутся. Одеть его на встречу с Павлом, а ярлык не снимать, и вообще носить его очень аккуратно. А на другой день принести платье обратно в комиссионку — дескать, дома еще раз примерила, и оно оказалось велико. А в течение трех дней покупки можно возвращать. Вот и вернем, а деньги снова раздадим девчонкам.

А если роман с Павлом будет продолжаться, то все это можно проделывать каждый раз — комиссионок в Москве много.

Любезная продавщица выбрала мне три наряда. И в каждом из них я отражалась в зеркалах, похожей на голливудскую кинозвезду.

Голубое кримпленовое платье с золотыми пуговицами мне очень шло, и, пока я дотопала до Метрополя, на меня глазели всевозможные дядьки разных возрастов.

Павел стоял с орхидеей в руках. Я первый раз в жизни видела такой цветок, и что это орхидея, мне объяснил Павел. На кончике цветка была какая-то пипетка с водой, и Павел сказал, что это специально, чтобы цветок не завял, и что он выбрал

эту экзотическую прекрасную орхидею потому, что она похожа на меня — нежная, загадочная, необъяснимая.

В таком роскошном ресторане я была впервые. Меню в руки я брать не стала, потому что не хотела, чтобы Павел видел мои короткие машинисткинские ногти. Я поэтому же и не курила — чтоб никто не видел ногтей.

Павел читал названия блюд медленно, как будто дегустировал каждое. Я поняла из названий только два — котлета по-киевски и блины с икрой. Мне, конечно, хотелось котлету, но Виолетта, та самая, умная, предупредила — смотри, киевскую не заказывай. В ней внутри масло, и ты можешь обрызгать платье, и тогда его назад не примут.

Я заказала блины с икрой и мороженое. Мы пили шампанское, на тарелке Павла остывал шашлык, а он смотрел на меня, не откусив ни кусочка. Потом мы танцевали, и я поняла, что, если мы сейчас же не окажемся с ним наедине, Павел просто взорвется и разлетится на кусочки.

В такси Павел целовал мои пальцы с короткими обгрызанными ногтями и шептал: — Дорогая, никогда прежде я не бывал так счастлив!

Потом, устав от страсти, мы пили на кухне кофе, и я плавилась от нежности к моему новому возлюбленному. Если бы сейчас открылась дверь и вошел папуас, я бы даже не испугалась, а может быть, вообще его бы не узнала.

После кофе Павел предложил мне посмотреть его квартиру, извинившись, что она слегка запущена, так как в ней уже год никто не живет. Ничего себе запущена! Если бы мое машбюро оказалось здесь, все решили бы, что пришли в музей.

Павел, как экскурсовод, показывал мне разные вещички — это малахитовый слоник из Индии, эта вазочка из Китая, а это — так, мелочь, — люстра из розовых ракушек из Таиланда.

Всего было много, у каждой штучки была своя история.

Стены одной из комнат были зеркальными, и я не сразу поняла, что это шкафы. Павел отодвинул одну панель, и я увидела, что шкаф битком набит вещами. А Павел стал снимать одно за другим с вешалок платья и рассказывать мне, где он покупал их для жены. При этом он называл какие-то фирмы, надеясь произвести этим особенное впечатление. Павел увлекся. Прикладывал платья к моей фигуре. Говорил: — Дорогая, хочешь, примерь. Тебе должно пойти.

Перья, блески, шуршащий шелк, мягкая шерсть. Ну прямо чистая комиссионка, только на дому, где я превращалась из Золушки в принцессу.

Я смотрела, а сама боялась, что Павел услышит, как предательски громко бьется мое сердце. Ну он же взрослый, он же умный. Зачем он все это показывает? Неужели не видит, не понимает, что обижает меня, рассыпает в пыль только что построенный мною воздушный замок, где я не эскимос, а прекрасная принцесса в неподобающем кримпленовом платье?

Дальше открылись еще дверцы: — Смотри, смотри — это туфли Стеллы. — Павел впервые произнес имя жены. — А это — ее украшения, косметика. Стелла любит все красивое и дорогое. Шубы я, к сожалению, показать не смогу — Стелла их наглухо зашила в простыни, чтобы моль не съела.

В это время зазвонил телефон, Павел схватил трубку и показал мне знаками, чтоб я не произносила ни звука и не шевелилась.

Звонила жена, и Павел называл ее ежиком и говорил, что тоже соскучился, но раньше, чем через десять дней, вернуться не сможет, так как у него какие-то переговоры в министерстве культуры.